

Обзоры

МАКСИМ ГРЕК В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

XVI век в истории русской общественной мысли отмечен острой идейной борьбой, являвшейся отражением борьбы классово-и внутриклассовой. В публицистике ставились и страстно обсуждались вопросы о пределах царской власти, положении отдельных классов и социальных прослоек, судьбах монастырского землевладения, участи крестьян и другие. Почти всех этих вопросов касался в своем творчестве выдающийся русский писатель Максим Грек. Жизненный путь его был сложным. Уроженец города Арты, Максим (тогда Михаил Триволис) детство и юность провел в Греции; позже он ряд лет прожил в Италии в качестве ученика и сотрудника гуманистов, а затем, увлекшись учением итальянского религиозного реформатора Савонаролы, постригся в монахи в доминиканском монастыре во Флоренции; из Италии Максим Грек возвратился на родину и стал монахом Ватопедского православного монастыря на Афоне. В 1518 г. Максим прибыл в Россию (где и прожил до смерти в 1556 г.) и сразу стал заметной фигурой как ученый, переводчик и талантливый публицист. Осуждение его церковными соборами 1525 и 1531 гг. и последующее заточение лишь на короткое время прервали его кипучую деятельность.

Интерес к Максиму Греку в русской научной литературе в различные исторические периоды был неодинаков. В историографии конца XVIII — первой половины XIX в. имя Максима Грека упоминалось, как правило, только в общих трудах по истории России. Его рассматривали как личность, связанную с оппозиционным великокняжеской власти боярством; в качестве главного аргумента в пользу такой оценки привлекали имеющееся в некоторых публицистических памятниках известие о выступлении Максима Грека против второго брака Василия III; это выступление считали основной причиной осуждения Максима. В работах того времени делался акцент на отношение Максима Грека к растущему самодержавию. Это объясняется тем, что для дворянской историографии самодержавие являлось демиургом русского исторического процесса; государственная школа буржуазной историографии также понимала развитие Русского государства в конечном счете как развитие самодержавия.

В 60-е годы XIX в. под влиянием переживаемых Россией сдвигов (отмена крепостного права, развитие капитализма, усиление роли демократических элементов в культурной жизни страны) в исторической науке начинает ставиться вопрос о роли общества в историческом процессе, в связи с чем возрастает, в частности, интерес к общественной мысли и идейной жизни Древней Руси. В этот период личность и творчество Максима Грека впервые привлекают серьезное внимание ученых. Во второй половине XIX — начале XX в. увеличивается количество специальных работ, посвященных отдельным сторонам его деятельности. После того, как в 1847 г. были изданы материалы судебных процессов против Максима Грека, а в 1865—1866 гг. опубликована монография В. С. Иконникова «Максим Грек» (в которой автор выразил сомнение относительно версии о том, что Вассиан Патрикеев и Максим Грек препятствовали второму браку великого князя и были осуждены за это), большинство исследователей отказываются объяснять осуждение Максима Грека его противодействием второму браку Василия III. По поводу причин осуждения Максима в этот период преобладали две точ-

ки зрения: представители одной искали их в первую очередь в тайных сношениях с турецким султаном (Б. И. Дунаев объяснял эти сношения стремлением Максима вызвать русско-турецкую войну, в результате которой греки могли бы освободиться из-под турецкого владычества)¹; представители другой — в нестяжательских убеждениях писателя, критике им церковного стяжания (наиболее ярко эта точка зрения выражена Е. Голубинским)². При оценке роли Максима Грека в жизни русского общества первой половины XVI в. в научной литературе сложилось представление о нем как о носителе критического начала, обличителя «общественных настроений». Однако эта характеристика в значительной степени являлась абстрактной в силу того, что представителем буржуазной историографии был чужд классовый принцип при анализе явлений идеологического порядка³.

Новый подход к изучению общественной мысли Древней Руси связан с развитием марксистской историографии. Идеологическая борьба в период образования Русского централизованного государства получила в ней более глубокое осмысление: она рассматривается как отражение (хотя часто и в богословско-религиозной форме) социальной борьбы того времени.

В 20-е годы вышли две небольшие статьи С. Н. Чернова, в которых дается анализ судебно-следственных материалов, связанных с процессами Максима Грека. В первой рассматривается сложный и запутанный вопрос о круге обвинений, предъявлявшихся Максиму на соборах 1525 и 1531 годов⁴. Вторую автор посвятил выяснению взглядов Максима Грека и подвергшегося одновременно с ним опале Н. Берсенья-Беклемишева. В результате тщательного анализа следственного дела последнего С. Н. Чернов пришел к выводу, что нельзя говорить о совпадении взглядов Максима Грека и идеолога «политической старины» Берсенья-Беклемишева, что Максим Грек — «только несчастная запутанная жертва политической необходимости»⁵.

Первым крупным исследованием о Максиме Греке, написанным с марксистских позиций⁶, был опубликованный в 1934 г. труд В. Ф. Ржиги. Автор поставил целью дать такой анализ публицистической деятельности Максима Грека, который, «вскрывая традиционные религиозные формы средневековья, должен выявить выраженные в них общественные тенденции и в результате бросить свет на сложность развертывавшейся тогда классовой борьбы»⁷. В. Ф. Ржига ярко показывает остроту критики Максимом Греком вотчинных прав монастырей, эксплуатации ими крестьян, стяжательской деятельности и сребролюбия духовенства. Автор отмечает, что объектом обличений Максима были и светские феодалы, носители власти местной и центральной. По мнению В. Ф. Ржиги, публицистическая деятельность Максима Грека способствовала подготовке реформ середины XVI в.: обличение произвола наместников и волостелей подготовило проведение губной реформы, критика стяжательства монастырей и духовенства облегчила постановку на церковном соборе 1551 г. вопроса о вотчинных правах монастырей.

Анализируя политические воззрения Максима Грека, В. Ф. Ржига приходит к выводу, что теория координации основных политических сил русского общества (духовенства, боярства, «воинников»-дворян, объединенных вокруг царской власти), которую Максим развивает в произведениях 40 — 50-х годов XVI в., соответствовала про-

¹ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М. 1916.

² Е. Голубинский. История русской церкви. Т. II, первая половина тома. М. 1900, стр. 707—725.

³ Подробнее о дореволюционной историографии, посвященной Максиму Греку, см.: Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л. 1970, стр. 7—27.

⁴ С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пггр. 1922.

⁵ С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека. «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова». Л. 1934, стр. 472, 473.

⁶ В настоящем обзоре учитываются специальные работы о Максиме Греке, а из общих трудов по истории России XVI в. лишь те, в которых имеются особые разделы, посвященные Максиму Греку.

⁷ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. «Труды Отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ). Т. I. 1934, стр. 5.

грамме Избранной рады. Максим Грек был идеологом боярства, но не консервативной его части, а боярства, осознавшего неизбежность политического объединения государства под эгидой великих князей московских. Основной целью внешней политики России Максим Грек считал, как показывает В. Ф. Ржига, борьбу с «неверными». В этом вопросе между взглядами Максима и стремлениями русского правительства имелось расхождение: Максим отрицательно относился к идее союза с Турцией, к заключению которого стремилось правительство Василия III. Расхождения были и еще в одном вопросе: в то время как правительство ратовало за независимость русской церкви от Константинополя, Максим считал, что поставление московских митрополитов должно иметь место только с санкции константинопольского патриарха.

В целом В. Ф. Ржига изображает Максима как крупнейшего русского публициста, чья литературная деятельность отвечала в своих главных аспектах запросам русского общества. В приложении к исследованию В. Ф. Ржиго опубликованы новые, ранее неизвестные «Послания» Максима Грека Василию III (1521 г.) и Ивану IV (1551 г.) и «Отрывок об Александре Македонском». Все три произведения важны для характеристики политических взглядов писателя. В статье «Неизданные сочинения Максима Грека» В. Ф. Ржига назвал еще 20 неопубликованных оригинальных сочинений Максима Грека и 4 из них напечатал⁸. Из впервые опубликованных сочинений особенно интересны «Послания» о францисканцах и доминиканцах и об Афонской горе, освещающие роль в формировании духовного облика Максима впечатлений, полученных им в дорусский период жизни, а также «Послание о сказаниях античной мифологии», содержащее изложение ряда античных мифов.

Исследование публицистической деятельности и общественно-политических взглядов Максима Грека в направлении, намеченном В. Ф. Ржигой и С. Н. Черновым, продолжил в 40-х годах И. У. Будовниц. Он рассматривает Максима Грека как выдающегося русского писателя, искренне и глубоко любившего Россию и стремившегося своим пером содействовать искоренению имевшихся в ней недостатков. В социальном плане Максим Грек, по мнению И. У. Будовница, примыкал к боярству, поддерживавшему Избранную раду⁹. Но в 40-х годах в советской научной литературе получает распространение и становится преобладающим другой подход к Максиму Греку: его зачисляют в лагерь феодальной реакции. С наибольшей последовательностью эта точка зрения проводилась И. И. Смирновым, считавшим Максима Грека не только противником Русского централизованного государства, но и агентом турецкого султана (выводы И. И. Смирнова позже повторил И. Б. Греков)¹⁰.

50-е и 60-е годы отмечены большим интересом советской историографии к общественной мысли периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В это время были выявлены новые сочинения Максима Грека: Н. В. Синицина опубликовала «Послание Максима Грека Василию III», важное для характеристики взглядов Максима на организацию монастырей, А. И. Клибанов — два переводных сочинения Максима Грека («Похвала Адаму пръвъзданному», «О Платоне философе»), раскрывающих философские воззрения писателя¹¹. Большую работу по учету опубликованных сочинений Максима Грека и выявлению рукописей, содержащих его произведения, проделал А. И. Иванов. Он составил тематическую библиографию трудов Максима Грека, в которой дается аннотация содержания каждого произведения, основания его атрибуции и ссылки на рукописи и издания. Она включает 365 произведений Максима, из которых 164 являются неизданными. К библиографии трудов Максима Грека приложена первая на русском языке полная библиография работ о нем¹². Возможно, последующие исследователи внесут уточнения и поправки в выво-

⁸ «Byzantinoslavica». T. VI. Praha. 1935—1936, pp. 85—108.

⁹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л. 1947, стр. 146—147, 161, 165.

¹⁰ И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. «Вопросы истории», 1946, №№ 2—3; И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М. 1963, стр. 264—287.

¹¹ Н. В. Синицина. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.). «Византийский временник» (ВВ). Т. XXVI. 1965; А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. ВВ. Т. XIV. 1958.

¹² А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л. 1969.

ды А. И. Иванова (вопросы атрибуции памятников древнерусской литературы очень сложны, и здесь правомерны дискуссионные решения). Но несомненно, что его книга долго будет служить отправной точкой для исследований о Максиме Греке, какого бы аспекта его творчества они ни касались.

Значительная работа велась в последнее десятилетие и в области изучения рукописной традиции сочинений Максима Грека, а также материалов, связанных с его судебными процессами. Н. В. Синицина занимается кодикологическим исследованием рукописных собраний сочинений Максима Грека, имеющим целью установить время и обстоятельства их появления, а также осветить их дальнейшую судьбу в различные исторические периоды и в различных слоях русского общества¹³. Б. Л. Фонкичем установлен новый автограф Максима Грека — Апостол на греческом языке конца 40-х — начала 50-х годов XVI в. (ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина — Кир. — Белоз., 120/125) и уточнена принадлежность Максиму ряда русских текстов в составе греческой Псалтири 1540 г. (ГПБ, Соф. 78)¹⁴. Автором настоящих строк был обнаружен новый список «судного списка» Максима Грека (Барсовский список) и в результате изучения его, а также ранее опубликованного (в 1847 г.) Погодинского списка высказана мысль, что памятник, известный под названием «судного списка» Максима Грека, представляет собою литературно-публицистическую обработку несохранившихся протоколов судебного разбирательства дела Максима Грека, составленную уже после его осуждения в официальных церковных кругах с целью дальнейшей дискредитации ненавистного для них писателя¹⁵.

В области изучения мировоззрения и роли Максима Грека в общественно-политической жизни России интересы советских исследователей в последние десятилетия были сосредоточены на освещении трех вопросов: нестяжательские взгляды Максима Грека, влияние на него Савонаролы, причины осуждения Максима Грека¹⁶.

Внимание к нестяжательской струе в мировоззрении Максима Грека не случайно: вопрос о судьбах церковного и монастырского землевладения являлся одним из самых острых вопросов общественно-политической борьбы, происходившей в России в XVI в.; для понимания ее очень важно выяснить позицию такого выдающегося писателя, каким был Максим Грек. Н. В. Синицина, анализируя опубликованное ею «Послание» Максима Василию III об устройстве афонских монастырей (исследовательница датировала его 1518—1519 гг.) и сравнивая его с изданным В. Ф. Ржигой более поздним «Посланием» об Афонской горе (относится к последнему периоду жизни Максима), приходит к выводу, что нестяжательские взгляды Максима Грека сложились поздно и лишь в последнем «Послании» приобрели четкую и законченную форму¹⁷. А. И. Иванов, привлекая не только сочинения Максима об афонских монастырях, но и его собственно нестяжательские произведения, посвященные критике вотчинных прав монастырей, возражает Н. В. Синициной: он полагает, что нестяжательские убеждения Максима Грека сложились еще в итальянский период его жизни под влиянием учения Савонаролы¹⁸. Нам представляется, что генезис аскетических воззрений Мак-

¹³ Н. В. Синицина. Рукописная традиция XV—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека (К постановке вопроса). ТОДРЛ. Т. XXVI. Л. 1971.

¹⁴ Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека. «Byzantinoslavica», 1969, № 1; его же. Русский автограф Максима Грека. «История СССР», 1971, № 3.

¹⁵ Н. А. Казакова. О «судном списке» Максима Грека. «Археографический ежегодник за 1966 г.». М. 1968.

¹⁶ Другим сюжетам посвящены лишь статья И. И. Смирнова, трактующая вопрос о взаимоотношениях митрополита Макария и Максима (И. И. Смирнов. Максим Грек и митрополит Макарий. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М. 1963) и статьи А. И. Клибанова и С. М. Каштанова, в которых в связи с анализом трудов И. Денисова (Е. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. P. — Louvain. 1943, и др.) рассматриваются факты биографии Максима в дорусский период его жизни (А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека; С. М. Каштанов. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографиях. ВВ. Т. XIV. 1958). А. И. Клибанов дает также характеристику философской позиции Максима Грека.

¹⁷ Н. В. Синицина. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей.

¹⁸ А. И. Иванов. К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека. ВВ. Т. XXIX. 1969.

сима Грека относится еще к дорусскому периоду его жизни (влияние впечатлений итальянских: Савонарола, нищенствующие ордена; и афонских: отсутствие монастырского вотчинного владения на Афоне), но нестяжательские взгляды как таковые сложились у него в первые годы пребывания в России под воздействием Вассиана Патрикеева и русской действительности. Критика Максимом Греком стяжательской деятельности монастырей имела большое общественное значение, ибо она не только идейно обосновывала одну из сторон политики государственной централизации — наступление на вотчинные права монастырей, но и привлекала внимание современников к тяжелому положению монастырских крестьян (недаром на нестяжательские сочинения Максима Грека ссылался самый радикальный вольнодумец Древней Руси — Феодосий Косой)¹⁹.

Вопросу о влиянии на Максима Грека Савонаролы, кипучую деятельность которого Максим наблюдал в бытность свою во Флоренции, посвящены статьи А. И. Иванова и Н. В. Синициной. А. И. Иванов рассмотрел этот вопрос в литературном аспекте, отметив параллели литературного характера в сочинениях Савонаролы и Максима Грека. Н. В. Синицина установила, что первым, еще прижизненным собранием сочинений Максима было собрание в 12 глав, тематически повторяющее содержание последнего сочинения Савонаролы «Торжество креста»²⁰.

Особое внимание в работах советских историков последнего десятилетия было уделено вопросу, всегда волновавшему исследователей, — о характере судебных процессов против Максима Грека и причинах его осуждения. С критикой точки зрения о справедливости предъявлявшегося Максиму Греку обвинения в измене России выступил Г. Д. Бурдей²¹. Автор настоящих строк, анализируя материалы судебных процессов против Максима Грека, пришел к выводу о тенденциозном характере процессов и о правомерности лишь двух обвинений: в нестяжательстве и отрицательном отношении к независимости русской церкви. Несогласие Максима с поставлением митрополитов на Москве и в особенности его пламенные выступления против вотчинных прав монастырей, непосредственно задевавшие основу экономического могущества церкви, явились причиной его осуждения²².

Исключительное значение для изучения как судебных процессов против Максима Грека, так и политической истории России первой половины XVI в. имеет находка, сделанная Н. Н. Покровским. Летом 1968 г. руководимая им Археографическая экспедиция Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР обнаружила в селе Мульта, Усть-Коксинского района, Горно-Алтайской автономной области, сборник конца XVI в., содержащий целый комплект материалов о суде над Максимом Греком: новый список «судного списка» Максима Грека, неизвестные ранее грамоты собора и Василия III от мая 1525 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь о заточении Максима, неизвестный ранее «судный список» Исака Собаки от февраля 1549 г., освещающий новый процесс над одним из помощников Максима Грека по переписке богослужебных книг. Найденные источники были изданы с обстоятельной вступительной статьей Н. Н. Покровского²³.

Новые источники позволяют установить степень обоснованности предъявлявшихся Максиму Греку политических обвинений — в тайных и враждебных России сношениях с турецким султаном и критике действий правительства в восточном вопросе.

¹⁹ Н. А. Казакова. Максим Грек как нестяжатель. «История СССР», 1967, № 2.

²⁰ А. И. Иванов. Максим Грек и Савонарола. ТОДРЛ. Т. XXIII. Л. 1968; Н. В. Синицина. Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека). «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе». М. 1972.

²¹ Г. Д. Бурдей. Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV—XVI вв. «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М. 1966, стр. 201—205. Краткие возражения Н. И. Смирнову были высказаны раньше И. У. Будовницем (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 142—144, прим. 2).

²² Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. ВВ. Т. XXVIII. 1968, стр. 109—126; т. XXIX. 1969, стр. 108—139.

²³ «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». М. 1971; рецензия на это издание см.: «Вопросы истории», 1973, № 2; см. также: Н. Н. Покровский. Сибирская находка (Новое о Максиме Греке). «Вопросы истории», 1969, № 11.

Если первое обвинение не имело под собой оснований, то второе соответствовало действительности: будучи греком и являясь принципиальным противником какого бы то ни было сближения с «неверными», Максим критически относился к стремлению русского правительства заключить союз с Турцией и порицал Василия III за плохую организацию отпора во время набега крымского хана в 1521 году.

Источники, найденные Н. Н. Покровским, были использованы в двух новейших работах, посвященных Максиму Греку²⁴. Автор этих строк, получивший возможность ознакомиться с новыми материалами еще до их издания, пришел к заключению, что они подтверждают выводы о том, что истинной причиной осуждения Максима Грека явились его выступления против вотчинных прав монастырей и независимости русской церкви. Представления же Максима Грека об идеальном государственном устройстве (царь, заботящийся о важнейших феодальных сословиях — духовенстве, боярстве, дворянстве — и выслушивающий рекомендации мудрых советников, которые могли быть и из простых людей) соответствовали тенденции развития России по пути словенной монархии²⁵.

К противоположным выводам пришел А. А. Зимин, также использовавший в своей последней книге новые материалы о Максиме Греке. А. А. Зимин дает общую характеристику общественно-политических взглядов и публицистической деятельности Максима Грека в период правления Василия III, но главное внимание уделяет судебным процессам против Максима, которые рассматривает на широком фоне внутренней и внешней политики правительства Василия III²⁶. Однако не все положения автора являются бесспорными.

А. А. Зимин считает, что Максим Грек был осужден «за отношение к политике Московского государства, к основным вопросам внешней и внутренней политики», при этом «основным вопросом разногласий по внутривнутриполитическим вопросам было отрицательное отношение Максима ко второму браку Василия III» (стр. 293). Сторонники этой точки зрения опирались всегда на известия «Выписи о втором браке Василия III», публицистического памятника, как теперь установлено, более позднего, чем описываемые в нем события. Однако еще В. С. Иконников отменил путаницу, имеющуюся в «Выписи», и несоответствие ее известий реальным фактам: так, в «Выписи» указывается, что Вассиан Патрикеев был осужден за выступление против развода великого князя вскоре — «по малех днех»; на самом деле он и после развода Василия III имел на него большое влияние и был осужден лишь в 1531 г. по обвинению в ереси и нестяжательстве²⁷. Чтобы нейтрализовать сомнения в достоверности известий «Выписи», А. А. Зимин приводит следующие аргументы: во-первых, «Выпись» составлена «на вполне доброкачественных источниках»; во-вторых, об отрицательном отношении В. Патрикеева и Максима Грека ко второму браку Василия III и осуждении их за это сообщает не только «Выпись», но и «История о великом князе Московском» А. Курбского; в-третьих, Сильвестр в 1553 г. выступал против Ивана IV по вопросу о наследнике престола, однако осужден был значительно позже (стр. 277—278).

Аргументация А. А. Зимина не представляется достаточно убедительной. Указывая, что «Выпись» основана «на вполне доброкачественных источниках», он не называет этих источников. Известие об осуждении В. Патрикеева и Максима Грека за их противодействие второму браку Василия III, имеющееся у Курбского, не может служить подтверждением достоверности сведений «Выписи», так как близость обоих памятников делает возможным предположение о влиянии одного из них на другой. Что

²⁴ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М. 1972; Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Новые материалы были использованы до их издания также в статье С. О. Шмидта «Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский)», в которой освещается роль М. В. и В. М. Тучковых в процессе против Максима Грека («Исследования по социально-политической истории России». Л. 1971).

²⁵ Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 155—243.

²⁶ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени, стр. 267—299, 322—330 (далее ссылки на эту книгу даются в тексте обзора). А. А. Зимину принадлежит также статья «Максим Грек и Василий III в 1525 г.» (ВВ. Т. XXXII. 1971), важнейшие положения которой вошли в рассматриваемые разделы книги.

²⁷ В. С. Иконников. Максим Грек, стр. 308—309; Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 115—118, 182.

касается примера с Сильвестром, то его нельзя рассматривать как параллель, подтверждающую доброкачественность рассказа «Выписи», так как Сильвестр попал в опалу в связи с разрывом Ивана IV с Избранной радой, а отнюдь не потому, что он когда-то вмешивался в семейные дела великого князя. Таким образом, версия о выстулении В. Патрикеева и Максима Грека против второго брака великого князя и осуждении их за это, имеющаяся в «Выписи о втором браке Василия III», осталась у А. А. Зимина недоказанной.

Касаясь политических воззрений Максима Грека, А. А. Зимин для их характеристики использует лишь «Послание» Василию III по поводу окончания Толковой псалтыри (1519 г.), в котором Максим излагает теорию гармонии духовной и светской власти (стр. 288, 328), находившуюся в известном противоречии со стремлением великих князей московских к сосредоточению власти в своих руках. А. А. Зимин считает, что для выяснения политических взглядов Максима нельзя использовать его показания по делу Берсена-Беклемишева (в которых Максим высказывает сочувствие усилению великокняжеской власти), так как они были даны во время следствия (стр. 287). Соглашаясь с А. А. Зиминим, что следственные показания — источник весьма ненадежный и требующий критического отношения, следует тем не менее отметить, что показания Максима о его отношении к великокняжеской власти доверять можно; так как они находят себе аналогии в его произведениях 30-х — начала 50-х годов XVI в., свидетельствующих, и по словам А. А. Зимина, о том, что «публицист не чужд был подобных взглядов» (стр. 288). Но, по-видимому, А. А. Зимин считает, что и этим произведениям доверять нельзя, так как они были написаны в заточении, а «ничего сходного в ранних произведениях, то есть созданных Максимом еще на свободе, до 1525 г., нет» (стр. 288).

Рассуждения А. А. Зимина могут быть оспорены. На период заточения и ссылки Максима Грека (до 1551 г.) приходится основная часть его литературного наследия, которая всегда использовалась исследователями для характеристики мировоззрения писателя. А о том, что Максим Грек обладал и в этот период достаточной смелостью и писал без оглядки на власти, свидетельствуют такие его произведения 30-х годов XVI в., как «Слово о покаянии», «Стязание любостяжателя с нестяжателем», «Слово по поводу тверского пожара», клеймящие пороки черного и белого духовенства, а также «Слово о неизглаголении божии промысле» и «Слово проسترание излагающе с жалостью нестроения и безчиния царей и властей последнего жития», в которых автор обличает произвол власть имущих. Таким образом, не доверять произведениям Максима периода его заточения и ссылки нет оснований, а в них писатель высказывает то же сочувствие укреплению великокняжеской власти, что и в показаниях по делу Берсена-Беклемишева. Расхождения между высказываниями Максима во время следствия 1525 г. и в произведениях 30-х — начала 50-х годов XVI в., с одной стороны, и теорией гармонии духовной и светской власти, которую Максим изложил в «Послании» 1519 г., — с другой, следует объяснять не тем, что Максим Грек до 1525 г. писал то, что думал, а после 1525 г. кривил душой, а эволюцией его мировоззрения.

Излагая теорию гармонии и одновременно разделения духовной и светской власти, Максим приводит в «Послании» 1519 г. заповедь Юстиниана, популярную в Византии; только что приехав в Россию, он пишет еще как представитель византийской политической мысли. Но под влиянием русской действительности взгляды Максима трансформировались; развивая в своих более поздних произведениях теорию координации основных политических сил русского общества (духовенства, боярства, дворянства), объединенных вокруг сильной великокняжеской власти, он выступает уже как русский писатель, являющийся сторонником Русского централизованного государства.

А. А. Зимин преувеличивает степень расхождения в вопросах внешней политики между позицией правительства Василия III и стремлениями Максима Грека. Представляется, в частности, неаргументированным мнение А. А. Зимина о том, что Максим Грек «стоял за решительную борьбу России с Турцией» (стр. 293) и «все время развивал идею о необходимости освободить греков от турецкого ига» (стр. 268). Идею войны России против Турции с целью освобождения греков Максим высказал лишь один раз — в «Послании» Василию III по поводу окончания перевода Толковой псалтыри в 1519 году. Но уже в «Послании» Василию III 1521 г. он ничего не говорит о борьбе с Турцией и выдвигает план борьбы с Казанским ханством; на той же пози-

ции — необходимость борьбы с татарскими ханствами (а не с Турцией) — Максим стоит и в последующих выступлениях («Слово... о победе на крымского пса» 1541 г., ходатайство перед Иваном IV в 1553 г. о сиротах и вдовах воинов, павших в борьбе против Казани). По-видимому, приехав из Греции с мыслью о войне России против Турции во имя освобождения греков, Максим Грек вскоре понял несвоевременность этой войны для России; оставаясь противником русско-турецкого сближения (которого желало правительство Василия III), он отказался от плана войны с Турцией и стал пламенным пропагандистом борьбы с татарскими ханствами, проводившейся правительствами Василия III и Ивана IV и отвечавшей коренным интересам Русского государства. Поэтому между внешнеполитической линией правительства и публицистической деятельностью Максима Грека было много общего.

Обоснованию тезиса об осуждении Максима Грека за выступление против второго брака Василия III и расхождении писателя с правительством по главным вопросам внешней политики должно было служить выдвинутое А. А. Зиминным положение о том, что обвинение в нестяжательстве не сыграло никакой роли в осуждении Максима в 1531 г. и что на соборе 1525 г. оно вообще не предъявлялось. В пользу своей точки зрения А. А. Зимин приводит следующие доводы: отсутствие в найденной Н. Н. Покровским грамоте собора 1525 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь упоминания нестяжательских «вин» Максима; употребление в речи митрополита Даниила на соборе 1531 г. при формулировке нестяжательских «вин» Максима настоящего времени; написание Максимом «Беседы ума с душой», в которой содержатся острые обличения вотчинного быта монастырей, после 1531 г. (стр. 291—292).

В соборной грамоте в Иосифо-Волоколамский монастырь от 24 мая 1525 г. нестяжательские «вины» Максима действительно не упоминаются. В ней названы лишь две «вины» Максима: «ложное» учение о сидении Христа одесную отца и отрицательное отношение к поставлению митрополитов на Москве. Но, являясь по своему назначению инструкцией властям Иосифо-Волоколамского монастыря о том, в «какой крепости содержать» Максима, грамота не должна была давать полного отчета о работе собора и полного перечня всех «вин» Максима. А о том, что эти «вины» не сводились составителями грамоты всего к двум названным, свидетельствуют слова, что Максим Грек «и иная многая развращенная и пагубная глаголяше»²⁸. Под этими словами скрывались, как надо полагать, и нестяжательские «вины» Максима и другие обвинения, рассматривавшиеся собором 1525 г., но в соборной грамоте не названные. Что касается употребления настоящего времени при формулировке нестяжательских «вин» Максима митрополитом Даниилом на соборе 1531 г. («Да ты же Максим... церкви и монастыри укоряеши и хулиши»), то оно свидетельствует лишь о том, что в начале 30-х годов XVI в. Максим Грек выступал с критикой церковного стяжательства, но оно не является доказательством того, что перед собором 1525 г. такая критика со стороны Максима не имела места. Утверждая, что «Беседа ума с душой» написана после 1531 г., А. А. Зимин никакого обоснования этой датировки не приводит, отсылая читателя к 14-й главе своей книги (стр. 292, прим. 92); но в 14-й главе обоснование датировки также отсутствует. А между тем есть основания полагать, что «Беседа ума с душой» была написана до 1525 г. и что, следовательно, Максим Грек уже в это время выступал с развернутой критикой вотчинных прав монастырей²⁹.

Таким образом, приведенные А. А. Зиминным доводы не дают оснований для пересмотра точки зрения о том, что обвинение в нестяжательстве предъявлялось Максиму в первый раз на соборе 1525 г. и что оно явилось одной из главных причин его осуждения. Факт предъявления Максиму Греку на соборе 1525 г. обвинения в нестяжательстве засвидетельствован источниками: в обвинительной речи митрополита Даниила, произнесенной им на соборе 1531 г., дважды перечисляются «вины» Максима, обсуждавшиеся собором 1525 г., и оба раза в этих перечнях называются обличения Максимом Греком вотчинных прав церквей и монастырей³⁰.

²⁸ «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки», стр. 121. А. А. Зимин считает, что выражение «иная многая» прикрывает в соборной грамоте «только явно недоказанные обвинения» (стр. 291, прим. 91).

²⁹ Обоснование такой датировки см.: Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 166—169.

³⁰ «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки», стр. 99—100.

Советская историография внесла большой вклад в изучение деятельности и творчества Максима Грека. Много сделано в области выявления литературного наследия писателя, исследования материалов его судебных процессов, раскрытия общественно-политических взглядов Максима и его роли в политической жизни России. Но по этим вопросам высказывались и высказываются различные, порою противоположные точки зрения. Это свидетельствует о необходимости дальнейших изысканий. Следует также изучить некоторые другие вопросы, важные для понимания творчества и деятельности Максима Грека, но до сих пор почти не исследованные советскими историками.

К числу их относится в первую очередь вопрос о роли в формировании мировоззрения Максима культурного наследия тех стран, с которыми он был связан до переезда в Россию. Этот вопрос в советской литературе (так же как и в русской дореволюционной) рассматривался односторонне: речь шла о влиянии на Максима Грека итальянских мыслителей, главным образом Савонаролы. Но ведь Максим был греком, в Греции он провел значительную часть своей жизни, и богатое культурное наследие Византии не могло не оказать на него сильнейшего воздействия. А между тем в советской литературе отмечалось, как правило, лишь влияние на него афонских традиций (отсутствия монастырского вотчиновладения Афона). Необходимо продолжить исследование воздействия на Максима Грека византийской, обличающей монашество литературы и византийских политических теорий. Изыскания в этом направлении важны не только для более полного понимания творчества и мировоззрения писателя, но и для изучения русско-византийских культурных связей XV—XVI веков.

Второй важный вопрос, который не получил еще должного освещения в литературе, — это культурно-просветительная деятельность Максима Грека. Он прибыл в Россию православным монахом, отрекшимся от своего гуманистического прошлого³¹. Но широкая его образованность, знание им столь дорогой для гуманистов классической древности, знакомство с культурной жизнью тогдашней Европы наложили отпечаток на его творчество. В произведениях Максима Грека встречаются примеры из античной мифологии, истории, ссылки на античных философов; вопреки своим убеждениям он сыграл значительную роль в пропаганде античного наследия в русском обществе. Он познакомил русских читателей и с важными явлениями культурной жизни европейских стран.

Выяснение всех этих вопросов даст возможность приступить к написанию монографии о Максиме Греке, в которой с марксистских позиций получат всестороннее освещение сложная и противоречивая личность писателя, его обширное литературное наследие, его роль в развитии русской общественной мысли своего времени.

³¹ А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека.